

языки малочисленных народов региона, государственный русский язык конституционно используется в интересах межнационального сотрудничества в образовании, культуре, науке и просвещении. Русский язык был назван родным 72% населения Сибири.

Современный русский язык отличается внутренней однородностью в официально-деловых, научно-технических и публицистических стилях речи, близостью и уникальностью территориальных и социальных диалектов в разговорных и художественно-речевых ситуациях. Он воплощает русский национальный характер и идеалы, закрепленные законодательными актами, научными трудами, художественной литературой, фольклором и публицистикой.

Государственный русский язык в Сибири — это оплот единения народов региона, поскольку активно выполняет свои социальные, коммуникативные, когнитивные и эстетические функции. Пропаганда богатого наследия русского языка, особой культуры русской речи, защита интересов, достойная его статуса, остаются актуальными, поскольку служат подъему и расцвету языков полиэтнической Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костомаров В. Г. Русский язык среди других языков мира. М.: Просвещение, 1975.
2. Фролов Н. К. Русская православная книжность XVII в. в Тюмени и Тобольске. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1997.
3. Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М.: Флинта, 1994.

Светлана
Михайловна
БЕЛЯКОВА

ПЕРЕВОРОТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ, или еще раз о принципе оборотня

Статья написана в том русле русской семасиологии, которое направлено на выявление особенностей семантики отдельных слов. Однако наблюдения над частными случаями словоупотребления позволяют уточнить представления о лексической системе языка в целом и отражении в ней различных культурных традиций.

*Мы полагать не должны, что длительно что-либо может
В виде одном пребывать.*

Овидий. «Метаморфозы»

Феномен Другого: опыт лингвистической интерпретации

Однажды пере- перелил Судьбе я ненароком —
Пошла, родимая, вразнос и изменила лик,
Хамила, безобразила и обернулась Роком, —
И сзади прыгнув на меня, схватила за кадык.

В. Высоцкий

Тема очередного филологического сборника обладает богатым потенциалом для лингвиста. Древнейшие представления, отраженные в мифологии и закрепленные в языковом дейксисе, делят все окружающее на «это» и «то», «данное» и «другое», «свое» и «чужое». Возможность выбора различных точек зрения, а следовательно, ситуативность понятия «другое» позволяет трактовать его сколь угодно широко, подводя под это определение самые разные феномены. Однако мы хотели бы обратиться к неизбежному атрибуту такого деления мира — состоянию перехода, оборачиваемости разных ипостасей. С одной стороны, это отражение архаической традиции, с другой — осознание диалектичности и релятивности мира.

Основа любого состояния живой материи — это изменения, процессуальный характер, движение. При этом изменения могут носить коренной характер, а могут быть постепенными, малозаметными. Наиболее значимой, разумеется, является полная, совершенная перемена, то есть метаморфоза. Такого рода трансформации обозначаются в русском языке главным образом при помощи трех синонимичных глаголов: *преобразовать(ся)*, *революционизировать(ся)* и *превратить(ся)* — и их производных. Как пишет В. И. Даль, «глаголы... весьма сходны, даже иногда равнозначащи, и разнятся только по обычаю языка» [Даль 1994, Т. 2: 1574]. Все они содержат одну приставку пре-/пере-, основное значение которой в этих примерах можно определить как «произвести коренное изменение». При этом приставка пере- в русском языке в трактовке, например, Грамматики-53 имеет значения: «перемещение (через предмет или пространство)» и «действие, производимое заново». Таким образом, здесь налицо совмещение этих двух значений, т. к. сакральное превращение подразумевает перемещение, о чем будет сказано ниже. Л. А. Варакин выделяет у данной приставки значения «изменить, преобразовать, придать чему-либо иной вид, форму, качество, иные признаковые свойства» (*перековать серп на нож, переработать повесть в роман*), а для непереходных (и невозвратных) глаголов типа *перегнить, перегореть* — «измениться, превратиться во что-либо, перейти из одного состояния в другое» [Варакин 1996: 77–78].

Вероятно, здесь мы имеем дело с довольно редким типом синонимов, имеющих тождественное формальное выражение — префикс. Однако наличие разных корней дает нам основание для размышлений о различном понимании «переворота» и — шире — о проявлении (сочетании) в русском языке литературной и народной традиций.

Первый глагол имеет корень образ-, который может быть понят и как «внешний вид, облик», и как «лик, лицо». С одной стороны, это нейтральный глагол, с другой, он имеет некоторый отпечаток книжности. Однако его производные уже

более специфичны. Если *преобразование* (-я) относится прежде всего к сфере социальной, то *преображение* — к духовной, имеет явно высокую стилистическую окраску. В контексте христианской религии Преображение Господне — одно из ключевых событий жизни Христа. См., например, изложение этого евангельского эпизода А. Менем: «Христос молился на вершине горы, а Петр, Иоанн и Иаков спали неподалеку. Когда же они пробудились, то увидели Учителя преобразенным: лик Его после молитвы излучал сияние, одежда была пронизана светом» [Мень 1991: 70]. Соответственно это слово выступает в качестве наименования церковного праздника. В данном глаголе и его производных присутствуют признаки старославянизмов.

В лексеме *перевоплотить(ся)* корень *плоть-*, то есть «тело, материальная субстанция человека». Однако, как это, на первый взгляд, ни парадоксально, употребляется этот глагол чаще всего в переносном смысле, когда речь идет все-таки об абстрактных объектах, о деятельности писателя, актера и т. п. Возможно, это отражение материалистического способа мышления. Например: *Для того чтобы переводить Бальзака, ему (переводчику) нужно хоть отчасти перевоплотиться в Бальзака...* (К. Чуковский); *Артист совершенно перевоплотился в новой роли.* Это слово также относится к книжной сфере употребления.

Наконец, третий глагол - *превратить(ся)* — наиболее нейтральный, имеющий корень, который обозначает сам процесс — вращение, не просто изменение, а поворот, так сказать, на 180 градусов. (Глагол имеет старославянскую огласовку, однако в словаре В. Даля приводится его исконно русский вариант — *перевернуть(ся)*, например: *Ведьма перевертывает девку в сороку.*) Таким образом, этимологически *превращение* — это *переворот* (действие и результат действия). Корень *верт-* имеет древнее происхождение, он образует в русском языке большое словообразовательное гнездо и развивает переносные значения. При употреблении в узком смысле этот глагол имеет синоним *обернуться*, данное значение выражено при помощи иной приставки, но того же корня: **об-вер-нуться*. Ср. диалектное (уральское) *оввернуться* с ассимиляцией согласных: *Терёха-то свиньёй оввернулса* [Словарь русских говоров... 1996: 360]. Однако приставка порождает иную сочетаемость: *обернуться кем-либо*. Диалектный материал вообще дает весьма разнообразные и интересные синонимы. Так, например, в уральских говорах зафиксировано слово *опрокидка* в значении «колдунья, женщина-оборотень». См. следующий контекст: *У Бабаковских тёща опрокидка была дак, то ле блазнело, то ле всамделешно преставлялася на разны лады, свиньёй да всяко.* (Запись произведена Н. И. Коноваловой в с. Марково Талицкого р-на Свердловской обл.) Лексема *опрокидка* образована от глагола *опрокинуть* в значении «перевернуть вверх дном». Таким образом, в народном сознании переворот, ведущий к перевоплощению, может происходить не только в горизонтальной плоскости, но и в вертикальной. Здесь мы имеем дело с отражением народной традиции, языческих представлений о возможности магического изменения облика живого существа, превращения в существо иное, то есть *оборотничества*. Вспомним описания сакральных ритуалов, когда для такого превращения требовалось совершать действия

Феномен Другого: опыт лингвистической интерпретации

вращения либо вокруг какого-либо объекта, либо вокруг самого себя или повернуть кольцо (другой волшебный предмет). См., например, в словаре Даля: «Надо в лесу найти срубленный гладко пень, воткнуть в него с приговорами нож и перекувырнуться через него — станешь оборотнем; порыскав волком, надо забежать с противной стороны пня и перекувырнуться обратно; если же кто унесет нож, то останешься навек волком» [Даль 1994, Т. 1: 573]. При этом, с одной стороны, вращение — это создание (ср. вращение гончарного круга), с другой — это «пере-создание», т. е. превращение. Представление об изменении человека в зверя (и наоборот) — древнейший архетип, поверья об оборотнях присутствуют в фольклорных традициях, вероятно, всех народов.

В несколько переосмысленном виде эта традиция жива и в наши дни. Не случайно совсем недавно газетным штампом стало выражение *оборотни в погонах* (и подобные ему идиомы, широко употребляемые и обыгрываемые в прессе). См., например, фрагмент статьи под названием «Охота на оборотней»: «Прошлая кампания (2003 года) делалась на борьбе с “оборотнями в погонах”, нынешняя — на борьбе с “оборотнями во власти”. <...> Вероятно, поэтому нынешний сезон охоты на “оборотней” официально и не открыт». («Собеседник», № 39 (1185), 10–16 октября 2007 г.) Показательно также использование в материалах на эту тематику слова *нечисть*, ассоциирующегося с оборотнями, например: «Очищаться и вытравливать нечисть мы будем беспощадно, репутация для нас превыше всего» (речь идет о работе правоохранительных органов). («Собеседник», № 40 (1186), 17–23 октября 2007 г.) Так обычно именуются коррупционеры. Прямо на это указывает следующий пример: «... когда людей перестанут “развлекать” разовыми порками случайно пойманных “оборотней” и начнется реальная борьба с коррупцией» («АиФ», № 48 (1413), 28 ноября — 4 декабря 2007 г.). Иногда это слово приобретает более широкий смысл, становясь негативной характеристикой человека какой-либо профессии: «Оборотни имеются в каждой профессии. Есть они и среди журналистов. Некоторые занимаются информационным терроризмом». (Радиопередача, 19 ноября 2007 г.) Здесь, скорее, имеется в виду порочная двойственность человека, его двуличие, скрытая преступная сущность, «сокрытие подлинной сути под ложной формой» [Неклюдов 1994: 235]. См. также пример, содержащий явную отрицательную оценку: *А бывший главный «счетовод» всех выборов А. Вешняков вот-вот обернется послом России в Латвии.* («АиФ», № 44 (1410), 7–13 ноября 2007 г.) Пусть в несколько переосмысленном виде, но тем не менее древняя традиция сохраняет свое присутствие.

Интерес к «переворотам», перевоплощениям органично присущ искусству, в том числе и искусству словесному. В широком смысле в этом и состоит его суть. Недаром термин *троп*, происходящий из греческого *tropos*, этимологически и означает «переворот». Но и в более узком смысле тема оборотничества, понимаемая, разумеется, очень по-разному, не перестает волновать поэтов. Часто это характерный для многих традиций образ волка-оборотня, однако не отрицательный, а сближаемый с образом лирического героя. См., например, у А. Ахматовой:

Вам жить, а мне не очень,

Тот близок поворот.

О, как он строг и точен,

Незримого расчет.

.....

Не плачь, о друг единый,

Коль летом и зимой

Опять с тропы волчиной

Услышишь голос мой.

В стихотворении М. Цветаевой «Волк» это образ возлюбленного, с которым героиня рассталась. Однако и здесь присутствуют мотивы изменения, полярных состояний, «переворотов»: «было дружбой, стало службой», «я тебе не дар, а долг».

Широко известны стихи-песни В. Высоцкого, в которых присутствует «волчья» тематика и где также человек идентифицирует себя с волком и наоборот. Например: «На татуированном кровью снегу наша роспись: мы больше не волки!» («Баллада о волчьей гибели»). Или: «Да это ж про меня! Про нас про всех! Какие к черту волки?!» («Охота на волков»). Здесь, как и в приведенных выше строках А. Ахматовой и М. Цветаевой, феномен оборотничества является отражением не страшной мифологической сущности, а ощущения единства или близости всего живого, родства человека и зверя. Высоцкого можно вообще назвать мастером переворотов. Еще один пример приведен в эпиграфе к настоящей статье, когда Судьба (с человеческим ликом) «обернулась Роком», то есть звероподобным существом, которое может прыгнуть сзади и схватить. Это метаморфоза-кара, которая существует наряду с метаморфозой-наградой (С. Ошеров), как превращение-чудо соседствует с натурфилософской диалектикой.

О важности метаморфоз в нашем этническом сознании говорит и тот факт, что, кроме переворотов «русских», в языке живут и их «иностранные тезки». Так, кроме собственно метаморфозы, заимствованной из греческого языка, существуют уже упоминавшийся троп, а также тропик, тропосфера (все из греч. tropos — «поворотный»). Из латинского языка (вероятно, посредством французского) пришло слово революция с тем же значением в языке-источнике. «Изначально слово «революция» было астрономическим термином, вошедшим в научный обиход благодаря книге Коперника “De revolutionibus orbium coelestium” (“Об обращениях небесных сфер”), в которой рассматриваемое понятие сохранило свое точное латинское значение, представляя собой повторяющееся, циклическое, неудержимое движение небесных светил. Следовательно, когда оно стало применяться для описания социальных явлений, то имело по преимуществу метафорическое значение» [Новокрещенова 2007: 10]. Слово приобрело функцию политического термина (во французском языке) в XVIII в. (впервые — в труде Монтескье «О духе законов»), в русском языке в этом значении также впервые зафиксировано в XVIII в. (См. [Черных, 1999 Т. 2: 105.]) Таким образом, лексема революция ранее означала, скорее, эволюцию, то есть постепенное вращательное движение, а не коренное пре-

Феномен Другого: опыт лингвистической интерпретации

образование, как сейчас. Изменение значения слова фактически на противоположное вновь демонстрирует нам «принцип оборотня» в языке.

Любопытно и то, что иноязычное слово воспринимается, в отличие от его отечественного эквивалента, как обозначение чего-то более высокого, значимого. Ср. принятое ранее выражение *Октябрьская революция* и часто встречающийся теперь *октябрьский переворот*. Ср., например: «90 лет назад, 25 октября по старому стилю, в России случилась Великая Октябрьская революция. Впрочем, известный философ и писатель Михаил Веллер называет ее просто *Октябрьским переворотом*» («Комсомольская правда», № 158-т/43, 25 октября — 1 ноября 2007 г.). Укажем и на сочетания *переворотный год*, *переворотное время*, зафиксированные нами в диалектной речи: *Переворотно товда время-то было, стары-те порядки рухнули*. Отметим также «активную» семантику иностранного слова (*революция свершилась, произошла, грянула*, т. е. «сама») и «пассивную» — исконно русского (*переворот произведен кем-либо*). Перед нами вновь яркий случай специализации синонимов, расхождения значений, направление которого обусловлено происхождением слов, их фонетическим и словообразовательным обликом и отражением различных традиций (книжно-литературной и народной).

Приведенный материал, на первый взгляд, весьма разнородный, приводит нас к некоторым, достаточно определенным выводам.

В русском языке можно обнаружить множество «переворотов», в том числе и тех, что отражают очень древние представления, частично актуализированные в наши дни. Эти представления обусловлены народным видением мира, и есть основания полагать, что такое видение не является полным анахронизмом. Наиболее нейтральные лексемы *превратиться* и *превращение* имеют фонетический облик старославянизмов, сохраняя при этом архаическую дохристианскую семантику.

Филиация и специализация значений синонимических рядов при всей их причудливости в ряде случаев обнаруживает внутреннюю логику, хотя жизнь слова и языка в целом многократно демонстрирует нам знаменитый «принцип оборотня».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вараксин Л. А. Семантический аспект русской глагольной префиксации. Екатеринбург, 1996.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 1. М., 1994.
3. Мень А. Православное богослужение. Таинство, Слово и образ. М., 1991.
4. Неклюдов С. Ю. Оборотничество // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 2. М., 1994. С. 234–235.
5. Новокрещенова И. Л. Концепты «путь», «революция», «вера» в прозе Вс. Иванова 1920-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Воронеж, 2007.
6. Ошеров С. Лирика и эпос Овидия (предисловие) // Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М., 1983. С. 3–22.
7. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург, 1996.
8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 1999.